

Столяров Ю. Н.

**НАЗВАЛСЯ ГРУЗДЕМ — ПОЛЕЗАЙ В КУЗОВ, ИЛИ КОММЕНТАРИЙ
К ДИСКУССИИ ОБ ИНФОРМОТЕКЕ**

Отклик на статьи В. И. Грачева и Л. И. Рудич, А. Я. Черняка, В. И. Терешина о сущности библиотеки как социального института документных коммуникаций и о вытекающих отсюда задачах библиотечного образования, опубликованные в сборнике «Научные и технические библиотеки СССР».

Статья В. И. Грачева и Л. И. Рудич «Библиотека в системе социально-коммуникативной деятельности и проблема подготовки специалистов нового профиля» влила новые силы в дискуссию о сущности библиотеки как социального института и о перспективах библиотечного образования [1]. Суть соображе-

ний авторов сводится к тому, что библиотека имеет дело с информацией, причем самого разного рода — в отличие от других социальных институтов, тоже хранящих и передающих информацию. Поэтому библиотеку надо переименовать в информотеку, расширить сферу ее деятельности за счет подобных социаль-

ных институтов и готовить кадры уже не библиотекарей, а социологов, информологов и т. п.

А. Я. Черняк увидел в этих предложениях исключительно деструктивное начало и высказался резко отрицательно [2]. Ему кажется очевидным, что «любая библиотека хранит не информацию, а ее источники», поэтому позиция В. И. Грачева и Л. И. Рудич «не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики» [2, с. 8].

В отличие от него В. И. Терешин квалифицирует позицию В. И. Грачева и Л. И. Рудич как исключительно актуальную и некоторые ее положения развивает, другие отвергает, третьи уточняет [3]. Библиотека, по В. И. Терешину, имеет дело и с документом, и с заключенной в нем информацией. Термин «библиотека» он предлагает сохранить, но как частный случай более общего понятия — информотеки, объединяющей все социальные институты, производящие, хранящие и распространяющие информацию. Это позволит, по его мнению, выработать методiku координации и кооперации в их работе, перестроить систему подготовки библиотекарей.

Такова вкратце суть дискуссии. На первый взгляд, она не представляет сколько-нибудь серьезного научного или практического интереса. Так, умозрительные упражнения досужих ученых.

Ну, в самом деле: будем мы отныне называть библиотеку как-то иначе или не будем, что от этого изменится? Известно много слов, которые давно пережили свое время, изменили смысл на полностью противоположный, и тем не менее ими продолжают пользоваться с прежним успехом. Например, атом — значит «неделимый». А он, оказывается, делимый! Так что же теперь изобретать для него новое слово? А зачем, если и старое вполне послужит — с новым смыслом. «Газета» — название мелкой итальянской монетки, но кто об этом помнит, кроме разве итальянцев? Какой прок пуритански требовать соответствия между этимологией термина и его современным содержанием? Этимологически библиотека — это книгохранилище. Но уже и тысячу лет назад название не соответствовало сути: библиотека хранила не только книги, но и свитки, рукописи, отдельные листки и т. д. Она с самого начала была не только книгохранилищем, но и книговыдавателем, и книгочитальницей, и книгомножителем.

При желании эту тему можно развернуть и так: почему в библиотеке хранятся книги, а не... библы? Почему против этого не протестуют библиоведы? И что значит слово «книга»? По одной версии «книга» происходит от слова «знак, мета, помета». Значит, теорией

книги занимаются метоведы, пометоведы? По другой версии, «книга» происходит от слова «печатать, тиснение». Печатоведы (в смысле: тисневеды) знают об этом, конечно, больше.

Вот только какой практический прок от всех этих словесных экзерсисов? Как говорится, назови хоть горшком, только в печку не ставь!

Вот тут-то и кроется корень дискуссии! Суть именно в том, что каждый из ее участников придерживается другой поговорки: «назвался груздем — полезай в кузов». А. Я. Черняк правильно уловил существо вопроса: статья В. И. Грачева и Л. И. Рудич «поднимает не какие-то частные вопросы, а глобальные проблемы библиотечного дела и библиотечного образования, призывает к пересмотру устоявшихся фундаментальных представлений, предлагает решения коренного характера» [1, с. 6]. Поняв это, он во избежание развития столь опасной «крамолы» стремится поскорее закрыть дискуссию: раз речь идет о библиотеке, значит, ее основополагающей функцией является организация общественного пользования произведениями печати и другими материалами, входящими в современную структуру библиотечных фондов. Выход за рамки этой парадигмы якобы разрушает специфику библиотеки как социального института. И значит, эта статья — «явный перегиб, если не сказать больше. Она не обоснована ни теоретически, ни практически, ни нравственно, ни в каком-либо другом отношении...» [2, с. 9].

Нам за словом «информотека» видится другой подход. Внимание должно быть направлено не на форму источника информации, а на ее содержание, способы отбора, кумуляции, передачи и т. д. Промежуточная точка зрения (В. И. Терешина) — имеют значение и форма (значит, нельзя ограничиваться только книгой, а ориентироваться на все виды документа), и содержание (отсюда акцент на новейшие средства передачи информации и на интеграцию библиотек с другими социальными институтами, имеющими дело с информацией).

Вот, оказывается, о чем спор идет — о самом существе библиотечной работы, о стратегических направлениях ее развития. И как производное — об основных направлениях библиотечного образования. Второй стороны дискуссии касаться не буду, а по первой — сущностной — хотелось бы внести некоторую ясность.

Итак, что более важно для библиотеки — книга (документ) или заключенная в ней информация? Почему книговеды (не только профессор А. Я. Черняк) столь обеспокоены внедрением в библиотековедение понятий типа «документ», «информация»? Есть в этой обес-

покоенности глубинный, подспудный смысл. Книговеды в массе своей вынуждены отвлекаться от содержания книг — оно уводит их в область текстологии, филологии, литературоведения и других наук, которым посвящены книги. Отсюда интерес (определенный!) книговедов к типологии книги, истории издания книг, библиополистике, библиофилии и т. п. Они в большинстве своем чужаются не только вопросов, связанных с процессами отбора, кодирования, аналитико-синтетической переработки информации, заключенной в книге, но даже других, кроме печатных, форм закрепления информации. И поэтому у книговедения с информатикой практически нет общих точек, точек соприкосновения. Информатика, в свою очередь, менее всего интересуется формой источника информации, тем более одной из множества таких форм — печатной. Эти вопросы ей кажутся несущественными, как и наука, занимающаяся ими. И информатика гордо шествует мимо книговедения, не удостаивая его даже взглядом. Библиотека оказывается на пересечении этих двух подходов. Неужели и библиотековедение примет сторону информатики, и тогда книговедение лишится крупной части своего комплекса, а его авторитет снизится еще больше? Или (что еще хлопотнее) не придется ли и ему в конце концов познавать азы информатики?

Между тем, методологический подход к книге как двуединству формы (книге как вещи, товару) и содержания (книге как духовной ценности) наиболее обстоятельно обоснован именно в книговедении. Говоря о том, что библиотека имеет дело с книгами, библиотекарь, разумеется, всегда имел в виду, что в них заложена некая информация, ради которой они и приобретаются. Но на первом плане в течение многих столетий стояли вопросы технологии работы с произведениями печати. Разведение понятий эффективности и качества библиотечной работы, поиск критериев ее оценки, разработка теории отбора, различных операций, связанных собственно с информацией, заключенной в документе (ее измерения, способов и средств передачи, конвертируемости и т. п.), — все это является достоянием, как известно, лишь последних десятилетий.

Это направление с течением времени становится все более актуальным. В условиях создания автоматизированных сетей информации ее материальная оболочка становится все менее значимой при библиотечном обслуживании. Чрезвычайно характерны в этом отношении одни только названия крупных международных библиотечных программ. Программа Всеобщей доступности изданий понимается теперь как программа Всеобщей доступности информации. Кроме нее реализуется програм-

ма «Всемирная передача данных». Ее отличие от программы Всеобщей доступности информации состоит в том, что она направлена на временную передачу библиотеками не информации, а источников, в которых она заключена (нашим библиотекам понятнее выражение «международный МБА»). У всех на памяти концепция «библиотеки без книг», сейчас развивается концепция «библиотеки без стен». К примеру, в 1989 г. в Брюсселе проходила видеоконференция ИФЛА «Будущее библиотек». Собственно, в Брюсселе был только ведущий, остальные участники находились каждый в своей стране — кто в Америке, кто в Японии, кто в Европе, кто в ЮАР. Единственным неудобством общения была разница в часовых поясах. Но в случае с библиотечным обслуживанием это неудобство превращается в достоинство: когда в Канаде ночь, в Корее — день, и можно пользоваться канадскими фондами, пока канадцы спят.

В связи с информатизацией общества многие традиционные библиотековедческие представления претерпевают существенные изменения. Так, библиотека перестает нуждаться в полноте сбора документов по своему профилю; более важной для нее становится возможность доступа к соответствующей информации, имеющейся в других библиотеках или иных институтах социальной коммуникации — архивах, издательствах, банках информации. Это избавляет ее от многих забот по моделированию, комплектованию, учету, обработке, размещению и хранению документов. Зато возрастает значение библиографирования, информирования и доставки информации потребителю. В еще более дальней перспективе информация вообще может оставаться в расейном состоянии, но роль библиотекаря как инфопосредника между нею и пользователями многократно возрастает. Одновременно возрастает значение теории и методики библиографирования, информационного поиска, информационного обслуживания. Вопрос о предоставлении абоненту нужной информации в нужной форме будет в значительной мере вопросом экономическим и техническим: что дешевле библиотеке — черпать информацию в соответствующем банке или кумулировать ее в своем фонде? Как быстрее ее можно передать — из своего фонда или извне?

В будущем произойдут радикальные изменения в планировке библиотечных зданий и помещений, поскольку резко сократится потребность в читальных залах и многих видах служебных помещений.

Все это для нашей страны — далекая перспектива (тогда как передовые страны реализуют подобные программы уже два десятилетия), а в настоящее время наиболее адекват-

ватна потребностям теории и практики концепция В. И. Терешина — равной значимости для библиотковедения и формы, и содержания документа [3].

Из представления о двуединой природе документа делаются весьма перспективные теоретические выводы. Например, В. И. Терешину оно дало основание для очень интересного тезиса о двух разных родах полноты библиотечного фонда — документной и информационной. Это — новое слово в теории полноты, заслуживающее всяческого внимания и развития. Пока что для практики и еще более для целей обучения важно утвердить равноправие для библиотеки всех видов документов, а не только печатных изданий. Длительное противодействие этой идее наиболее ярко выражается в нежелании головного института преобразовать курс «Книговедение» в «Документоведение» или «Документологию», в ориентации только на произведения печати при чтении таких библиотковедческих дисциплин, как «Библиотковедение. Общий курс», «Обслуживание читателей», «Организация и управление библиотечным делом».

Обычны при этом ссылки на то, что термин «документоведение» уже занят архивоведами, понимающими «документ» в узком смысле — как управленческий, делопроизводственный. Взглянем, однако, на программу «Документоведение» для специальности 2037 «Документоведение, организация управленческого труда в государственных учреждениях» (М., 1984. — 16 с.). В первой теме «Понятие «информация», ее свойства и виды» раскрывается связь понятия информация и документ. Во второй теме «Понятие „документ“» отражены вопросы о расширении этого понятия с развитием науки и техники, особенно автоматизированных систем. В следующей теме «Функции документов» имеются, среди прочего, такие моменты, как полифункциональность документа, влияние выполняемых им функций на его структуру. В теме «Способы документирования» показаны исторические этапы развития звуковой речи, предметного и знакового способов передачи сообщений, пиктографического письма и т. д. вплоть до кинофотодокументирования и применения машиночитаемых документов. Тема «Материальные носители информации» предусматривает освещение вопроса о материалах для фотофонокинодокументирования и введения информации в память машины.

В этом же аспекте можно проанализировать и другие темы программы. Из этого анализа отчетливо видно, что многое годится для будущих библиотекарей-библиографов без каких бы то ни было изменений. Осталь-

ное нуждается в разработке документоведением библиотечно-библиографического профиля, т. е. нынешними книговедами; чего они, к сожалению, упорно на протяжении по крайней мере трех десятилетий не хотят делать (с того времени, как Е. И. Шамурин расширил понятие библиотечного фонда как собрания не только произведений печати, но и других видов документа). Вместо этого идут отговорки псевдоэтимологического свойства — типа неприемлемости замены термина «библиотекарь» термином «документотекарь» [4]. При этом почему-то не требуют, ради той же логичности, замены «библиотекаря» на «книготекаря» и «библиотеки» на «книготеку», а самого «книговеда» — на «пометоведа».

Коллеги книговеды, вы считаете неприемлемым термин «документ»? Предложите лучший, это именно ваша прямая профессиональная задача, коль скоро вы признаете, что в библиотечные фонды входят, наряду с произведениями печати, другие материалы. Значение книговедения, книги при этом несколько не умалится, они будут рассматриваться как частный случай общей науки, более общего явления.

Следовательно, во-первых, нельзя согласиться с мнением, будто содержание общепрофессиональных дисциплин разнится в зависимости от специальности. Как видим, программа «Документоведение» по крайней мере наполовину уже сегодня приемлема для студентов-библиотковедов. Во-вторых, гибель книг в библиотеках (озабоченность этим прискорбным явлением выдвигается как еще один неявный аргумент в защиту книговедения как учебной дисциплины) происходит, как известно, отнюдь не из-за того, что «у некоторых преподавателей высшей библиотечной школы чувствуется направленность на умаление роли книги в библиотеке и, соответственно, в библиотечном образовании» [2, с. 9]. Те «некоторые преподаватели», которые тут имеются в виду, как раз хлопочут о том, чтобы ввести либо специализацию, либо даже квалификацию библиотекаря-фондохранителя. Одновременно они же пытаются убедить коллег в необходимости расширить рамки книговедения. Одно другому не мешает.

Библиотеку не надо переименовывать ни в документотеку, ни в информотеку — тут прав А. Я. Черняк. Но настоятельно необходимо усилить в преподавании внимание к документам всех видов, к информационной составляющей библиотечной работы. В этом можно солидаризироваться с другими участниками дискуссии.

Нерационально предложение В. И. Терешина ввести собирательное понятие «информотека» для всех социальных институтов, включая библиотеку, имеющих дело с информацией разного рода. Не потому, что это непривычный неологизм — без него в определении нового явления не обойтись — а потому, что содержание этого понятия слишком расширительно и расплывчато. Да, радио, клуб, театр производят и передают информацию. Но ее производят и передают и женская консультация, и суд, и МИД, и Верховный Совет, наконец. И оказывается, что все мы живем уже как бы не в государстве, а в одной большой информотеке.

Вместе с тем В. И. Терешин ставит вопрос об интеграции библиотек с другими институтами документной коммуникации. Некоторым этот вопрос кажется надуманным, но на самом деле их мнение свидетельствует лишь о глубине непонимания нашей отсталости. Несмотря на то, что СССР еще в 1974 г. подписал итоговый документ Межправительственной конференции по планированию национальных инфраструктур в области документации, библиотек и архивов (одобренный позднее 18-й Генеральной конференцией ЮНЕСКО) и тем самым поддержал концепцию взаимодействия в рамках НАТИС, в нашей стране по части такой кооперации не сделано ровным счетом ничего. Положение о библиотечном деле 1984 г. касается лишь части этого вопроса — взаимодействия между библиотеками и органами НТИ, и то лишь декларирует идею единых СИФов, но не подводит под нее никакой правовой базы. Единственное упоминание об архивах в этом библиотечном законе (статья 18) носит ограничительный характер: запрещение безвозмездно передавать из библиотеки в библиотеку документы, относящиеся по статусу к Государственному архивному фонду. Разобщенность в работе архивов, библиотек и органов информации приводит к параллелизму в их деятельности, лакунам в их совокупном фонде и недоиспользованию информаци-

онного потенциала. А мы тем временем благодушно рассуждаем: не схоластичен ли вопрос о взаимодействии библиотек с родственными институтами...

В США Национальная комиссия по библиотекам и информации учреждена законом Конгресса еще в 1970 г. Она координирует и планирует библиотечно-информационное обслуживание всей страны. Цель комиссии — создание общенациональной сети библиотек и служб информации, которая обеспечила бы гражданам равные возможности доступа ко всем информационным ресурсам. Да что США! Даже в Болгарии еще в 1984 г. утверждено Положение о единой системе социальной информации. А мы никак не можем создать всего лишь Всесоюзный библиотечный фонд — кстати, тоже декларированный Положением о библиотечном деле 1984 г.

Следует приветствовать стремление В. И. Терешина найти краткий обобщающий термин для обозначения всех социальных институтов, родственных библиотеке, т. е. занимающихся обеспечением документных коммуникаций. По сути дела, речь идет о поиске слова для обозначения нашей профессии. Ведь библиотекарь — это, строго говоря, не профессия, а специальность, одна из специальностей цикла дисциплин документно-коммуникационного профиля. Об этом давно пишет О. П. Коршунов. Определение перечня этих дисциплин (и соответственно социальных институтов) позволит найти место библиотекведения в системе наук, объяснит причину все большего расхождения между подготовкой библиотекарей и подготовкой культпросветработников, сделает ясным перечень общепрофессиональных дисциплин в библиотечном вузе, подведет научную основу под библиотечную стратегию и политику. В свете этого предложения О. П. Коршунова о том, как учить студента, кажутся безупречными и самыми конструктивными [5].

Вот какие серьезные вещи скрываются за внешне забавной терминологической полемикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грачев В. И., Рудич Л. И. Библиотека в системе социально-коммуникативной деятельности и проблема подготовки специалистов нового профиля // Науч. и техн. б-ки СССР.— 1989.— № 6.— С. 3—6.

2. Черняк А. Я. По поводу «информотеки», «социолога» и некоторых других вещей // Науч. и техн. б-ки СССР.— 1989.— № 6.— С. 6—9.

3. Терешин В. И. Перспективы библиотеки и под-

готовки кадров для нее // Науч. и техн. б-ки СССР.— 1991.— № 4.— С. 24—28.

4. Яковлев А. Я. Евгений Иванович Шамурин как книговед (к 100-летию со дня рождения) // Книга: Исслед. и материалы.— Сб. 59.— М.: Кн. палата, 1989.— С. 144.

5. Коршунов О. П. Как учить студента? // Сов. библиография.— 1988.— № 4.— С. 18—24.